

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Оценка ситуации пандемии COVID-19 жителями России и Беларуси

Одинцова М.А.

*ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru*

Радчикова Н.П.

*ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com*

Янчук В.А.

*УО «Белорусский государственный университет» (УО БГУ),
г. Минск, Республика Беларусь
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4524-8371>, e-mail: yanchuk@academy.edu.by*

Цель. Сравнительный анализ оценивания ситуации пандемии COVID-19 в зависимости от возраста респондентов и стратегий государственного регулирования противодействия инфекции (на примере Беларуси и России).

Контекст и актуальность. Исследование оценок ситуации пандемии COVID-19 жителей стран, отличающихся стратегиями государственного регулирования, дает возможность выявить сходства и различия в оценивании ситуации, степени ее влияния на разные сферы жизни, страхов, своих возможностей. Представлена одна из первых попыток выявления личностно-редово-активной интердетерминации психологической феноменологии.

Дизайн исследования. Исследование проводилось с 11 апреля по 4 июня 2020 года с помощью Google-формы.

Участники. В исследовании приняли участие 439 человек от 18 до 62 лет: 231 россиянин (77,9% женщин; ср. возраст 32,68+9,16) и 208 белорусов (75,5% женщин; ср. возраст 30,94+10,28). Из них: 1) молодежь России от 18 до 30 лет (N=91; ср. возраст 23,6+4,21); Беларусь (N=113; ср. возраст 23,1+3,8); 2) зрелое поколение россиян от 31 до 60 лет (N=140; ср. возраст 38,6+6,25) и белорусов (N=95; ср. возраст 40,25+7,37).

Методы. Специально разработанная анкета с оценками от 0 до 10 (по шкале Ликерта) ситуации COVID-19 и открытый вопрос.

Результаты. Белорусы и россияне одинаково высоко оценили свои возможности и ресурсы в ситуации пандемии. Люди старшего возраста обеих стран наделяют данную ситуацию более негативными оценками при одновременно высоком оценивании своих возможностей в отличие от молодежи. В условиях самоизоляции снижается интенсивность страхов, более позитивно оценивается ситуация, однако усиливается ее влияние на физическую активность и состояние

психики. Глобальные и личные страхи доминируют при самоизоляции, а социальные — при отсутствии таковой. При самоизоляции с повышением возможностей и ресурсов человека снижаются оценки страхов, оценки сложности ситуации пандемии и степени ее влияния на разные сферы жизни.

Основные выводы. *Оценки трудности ситуации пандемии, страхов, степени ее влияния на разные сферы жизни выше у жителей Беларуси, что может объясняться отсутствием дополнительных мер сдерживания распространения коронавирусной инфекции.*

Ключевые слова: *пандемия COVID-19, оценка ситуации, страхи, государственное регулирование, самоизоляция.*

Для цитаты: *Одінцова М.А., Радчикова Н.П., Янчук В.А. Оценка ситуации пандемии COVID-19 жителями России и Беларуси // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 56–77. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120204>*

Assessment of the COVID-19 Pandemic Situation by Residents of Russia and Belarus

Maria A. Odintsova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Natalya P. Radchikova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: natalya.radchikova@gmail.com

Vladimir A. Yanchuk

Belarusian State University, Minsk, Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4524-8371>, e-mail: yanchuk@academy.edu.by

Objective. *Comparative analysis of assessing the situation of the COVID-19 pandemic depending on the age of the respondents and the strategies of state regulations against infection (example of Belarus and Russia).*

Background. *The study of COVID-19 assessments by residents of regions with different state regulations of the pandemic situation makes it possible to identify the similarities and differences in assessments of the situation, the degree of its impact on different spheres of life, fears, their capabilities and to outline the directions of psychological assistance. This is one of the first attempts to identify the personality-environment-activity interdetermination of psychological phenomenology is presented.*

Study design. *The study was conducted from April 11th to June 4th, 2020 using Google Form.*

Measurements. *Specially designed questionnaire with scores from 0 to 10 (on the Likert scale) of the COVID-19 situation and an open-ended question.*

Participants. *It was attended by 439 people from 18 to 62 years old: 231 Russians (77.9% of women; average age 32.68+9.16 years) and 208 Belarusians (75.5% of women; average age 30.94+10.28 years). Of these: 1) Russian youth from 18 to 30 years old (N=91; average age 23.6+4.21 years) and Belarus youth (N=113; average age 23.1+3.8 years); 2) the mature generation of Russians from 31 to 60 years old (N=140; average age 38.6+6.25 years) and Belarusians (N=95; average age 40.25+7.37 years).*

Results. *Both Belarusians and Russians highly estimated their capabilities and resources. Older people in both countries give a more negative assessment of the pandemic situation, while at the same time giving a higher assessment of their resources than young people. In self-isolation the intensity of*

fears decreases, the situation is assessed more positively, but the influence on physical activity and mental state increases. Global and personal fears dominate in the absence of self-isolation, while social fears dominate in the absence of self-isolation. There is a positive correlation between person's capabilities and resources and the assessment of fears, the difficulties of the pandemic situation, and the degree of its impact on various aspects of life in the situation of self-isolation.

Conclusions. *Assessments of the pandemic situation complexity, the degree of its impact on various aspects of life, and fears are higher among the residents of Belarus, which may be explained by the lack of additional measures against the spread of coronavirus infection.*

Keywords: *COVID-19 pandemic, assessment of the situation, fears, government regulation, self-isolation.*

For citation: Odintsova M.A., Radchikova N.P., Yanchuk V.A. Assessment of the COVID-19 Pandemic Situation by Residents of Russia and Belarus. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 56–77. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120204> (In Russ.).

Введение

О целесообразности тех или иных стратегий, предпринимаемых разными государствами в ответ на пандемию, ведутся оживленные дискуссии. Одни считают, что жесткие чрезвычайные меры не оправданы [3; 23], другие высказываются в пользу самоизоляции [15; 20]. В каждом случае специалисты обеспокоены сохранением благополучия, физического и психологического здоровья населения своих стран. Исследования, сопровождающие эти дискуссии, создают некоторое представление об эффективности тех или иных стратегий государственного регулирования ситуации пандемии и ее последствий. Так, анализ различий в подходах к решению проблемы COVID-19 в Иордании и Австралии показал [9], что более половины иорданцев испытывают стресс и беспокойство, а в 35% случаев страдают от домашнего насилия в результате введения жестких ограничительных мер. Австралия при минимальных ограничениях, но на фоне внедрения государственных программ поддержки психического благополучия населения, так же как и Иордания, успешно справляется с пандемией.

Масштабное исследование выраженности страхов и воздействия пандемии на психическое здоровье населения разных штатов Америки показало, что страх распространен неравномерно: наиболее выражен в густонаселенных местах и чаще зарегистрированными случаями заболевания [13]. Показано, что страх перед вирусом и последующие проблемы с психическим здоровьем населения связаны с видами мер, предпринятых в разных штатах для борьбы с вирусом. Исследование психического здоровья некоторых мегаполисов Китая (с обязательной самоизоляцией и без карантина) показало, что режим самоизоляции оказывает влияние на психическое здоровье жителей вплоть до появления симптоматики ПТСР [23]. В исследовании отечественных специалистов было обнаружено, что самоизоляция и социальное дистанцирование выделяются в самостоятельный стресс-фактор [6]. В Испании, одной из самых пострадавших в результате COVID-19 стран, выявлено, что 36,6% людей испытывают психологический стресс. Резкое изменение жизни испанцев в результате самоизоляции привело к высокому уровню страха [18]. В Израиле обнаружены потенциальные проблемы с психическим здоровьем: у 25%

израильтян — высокий или очень высокий уровень тревоги, а 12% подвержены риску депрессии [19]. В исследовании С. Драйхерст и ее коллег [12], проведенном в 10 странах с разной государственной политикой, выявлено, что убежденность населения в неэффективности действий правительства повышает восприятие уровня риска. С другой стороны, высокий уровень восприятия риска усиливает защитное поведение людей в отношении здоровья.

Таким образом, в условиях пандемии каждая страна идет своим путем через уникальный «естественный эксперимент», созданный COVID-19. Какой путь окажется более верным и каковы будут последствия — покажет время. Однозначно признается, что пандемия COVID-19 как особая ситуация усилила психологическое напряжение во всем мире. Предпринимаются разные меры по ее сдерживанию и защите населения. В большинстве стран введен режим самоизоляции, но люди по-разному оценивают и реагируют на принятые меры.

Исследования последствий пандемии COVID-19 показали ограниченные возможности традиционно доминирующего персонцентрического подхода, фокусирующегося на выявлении личностных детерминант изучаемых психологических феноменов. Более продуктивным представляется использование идей культурно-диалогической метатеории интеграции психологического знания, акцентирующей внимание на комплексном взаимодействии личностно-средово-активностных интердетерминант поведения [24]. С учетом представленного выше многообразия государственного регулирования ситуации пандемии в нашем исследовании фокус внимания сконцентрирован на различиях в использованных стратегиях и их потенциальной эффективности.

Психологический эффект такого рода влияния может быть локализован на примере сравнения близкородственных культур (Беларуси и России), имеющих достаточно продолжительный совместный исторический опыт проживания и общий язык, что позволяет снизить потенциальное влияние иных культурно обусловленных переменных. В России был введен режим самоизоляции и реализована государственная поддержка (финансовая, социальная, медицинская) для сохранения благополучия и здоровья россиян [17]. В Беларуси правительство отрицало пандемию и не предприняло дополнительных мер для защиты населения. Безопасность как устойчивое психическое состояние ощущения непрерывности жизненных событий, чувство порядка, спокойствие — все это было нарушено в жизни белорусов, оставшихся без своевременной поддержки государства. Как известно, в условиях кризисов, хаоса и неопределенности люди особенно нуждаются в сильном и своевременном вмешательстве правительства для координации своих стратегий и эффективного преодоления [11]. Особое значение при этом приобретают характеристики лидера: сочувствующий, уделяющий внимание безопасности, заботящийся об эмоциональных потребностях населения [14]. Исследователи предупреждают, что в противном случае последствия могут быть самыми непредсказуемыми [11]. В этом плане население России и Беларуси, стран с глубокими историческими корнями патернализма, особенно нуждается в разумном патернализме, который выражается не только во всеобщем регулировании и контроле жизни населения, но и в проявлении заботы о своих гражданах в особенно трудные для них времена.

Дополнительным фактором, который оказывает воздействие на восприятие

ситуации, является возраст, который учитывается в большинстве исследований пандемии и который, по мнению Н.Н. Толстых, играет особую роль в качестве переменной в области социальной психологии развития, призванной развивать представления «о развивающемся человеке в сложно организованном, глобализирующемся и быстро изменяющемся, качественно трансформирующемся мире» [7, с. 31].

Таким образом, целью исследования стал анализ оценивания пандемии жителями стран с разными стратегиями государственного регулирования данной ситуации (Беларуси и России). Предполагается, что оценки своих возможностей, самой ситуации пандемии, страхов и оценки ее влияния на разные сферы жизни зависят от возраста и от стратегий государственного регулирования.

Метод

Схема проведения исследования.

Исследование проводилось с 11 апреля по 4 июня 2020 года в период самоизоляции в России и в Беларуси, где пандемия отрицалась.

Выборка. В исследовании приняли участие 711 человек. После исключения ответов из других стран (Украина, Грузия, Узбекистан и др.), лиц в возрасте до 18 лет и балансировки по полу и возрасту выборка включила 439 человек в возрасте от 18 до 62 лет; из них 231 россиянин (77,9% женщин; ср. возраст $32,68 \pm 9,16$) и 208 белорусов (75,5% женщин; ср. возраст $30,94 \pm 10,28$). Группы не различались по возрасту ($t(237)=1,84$; $p=0,06$) и полу ($\chi^2=0,37$; $p=0,57$).

Выборка была разделена на группы:

1) молодежь России от 18 до 30 лет ($N=91$; ср. возраст $23,6 \pm 4,21$, медиана=24),

Беларуси ($N=113$; ср. возраст $23,1 \pm 3,8$ года, медиана=23);

2) зрелое поколение россиян от 31 до 60 лет ($N=140$; ср. возраст $38,6 \pm 6,25$, медиана=37), белорусов ($N=95$; ср. возраст $40,25 \pm 7,37$, медиана=39).

Методы. Использовалась специально разработанная анкета, основанная на подходе Е.В. Битюцкой к когнитивному оцениванию трудной жизненной ситуации, в котором когнитивное оценивание рассматривается как «процесс, участвовавший в формировании и функционировании субъективного образа ситуации в индивидуальном сознании» [1, с. 53]. При этом подчеркивается важность оценок, которые в совокупности становятся субъективным заключением людей о сложности самой ситуации.

Вопросы анкеты (всего 35 вопросов) включали оценки ситуации COVID-19 по 11-балльной шкале Ликерта (от 0 – минимальная оценка до 10 – максимальная оценка) по следующим блокам характеристик:

1) три вопроса, включающие социодемографические характеристики (пол, возраст, место проживания);

2) шесть оценок степени влияния ситуации на разные сферы жизни (трудную занятость, уровень заработной платы, уровень физической активности, состояние психики, качество отношений с близкими, качество социальных контактов);

3) девять оценок выраженности страхов (умереть; заболеть; заболеют мои близкие, и я не смогу им помочь; близкие заболеют и умрут; останусь один; останусь без работы; останусь без средств к существованию; испортить отношения с партнером; будущего) и один открытый вопрос для описания своего страха (на что и/или на кого он похож; для чего нужен?);

4) девять оценок ситуации (неопределенность; трудность; личная значимость; сила переживаемого в данный момент стресса; непредсказуемость; неконтролируемость; безвыходность; размер потерь, связанных с ситуацией; сложность выполнять рекомендации властей);

5) восемь оценок собственных возможностей для преодоления ситуации (физические, психологические, интеллектуальные, духовные, временные, творческие, материальные, социальные).

Статистический анализ. Для определения влияния разных стратегий государственного регулирования ситуации пандемии и возраста на оценки возможностей, оценки самой ситуации и ее воздействия на разные сферы жизни был применен трехфакторный дисперсионный анализ с апостериорным критерием Дункана. Дисперсионный анализ проводился четыре раза — для каждой из внутригрупповых переменных, образующих отдельные блоки методики: 1) оценки степени влияния ситуации на разные сферы жизни (6 уровней); 2) оценки страхов (9 уровней); 3) оценки трудности и значимости ситуации (9 уровней) и 4) оценки возможностей респондентов (8 уровней). В качестве межгрупповых факторов, участвующих во всех четырех анализах, выступили переменные: стратегии государственно-

го регулирования (с самоизоляцией/без самоизоляции) и возраст (до 30 лет/от 31 года). Для определения эффекта пола использовался t-критерий Стьюдента. Для определения выраженности разных видов страха в зависимости от стратегий сдерживания коронавирусной инфекции применялся критерий хи-квадрат Пирсона. Для выявления взаимосвязей между оценками своих возможностей и оценками ситуации, степени ее влияния на разные сферы жизни, страхов был применен корреляционный анализ (вычислялись коэффициенты корреляции Пирсона).

Результаты

Описательная статистика по вопросам всех пяти блоков анкеты представлена в табл. 1. Результаты показывают, что выборки сбалансированы по стране проживания и по возрасту, но среди респондентов преобладают женщины. Для четырех оценочных блоков анкеты (сила влияния ситуации на разные аспекты жизни, страхи, сложность ситуации и возможности) были посчитаны меры согласованности ответов (альфа Кронбаха и альфа Гутмана при расщеплении на две части), которые показали очень хорошее согласование (табл. 1).

Таблица 1

Описательная статистика по вопросам анкеты

Социодемографические характеристики		
Показатель	N	%
Страна		
Беларусь	208	47,40%
Россия	231	52,60%
Группа (возраст)		
До 30 лет	204	46,50%
От 31 года и старше	235	53,50%

Пол		
Женский	337	76,80%
Мужской	102	23,20%
Вопросы анкеты		
Показатель	M±s	Me [Q1; Q3]
Влияние ситуации на: (альфа Кронбаха=0,74; альфа Гуттмана=0,81)		
Мою трудовую занятость	5,0±3,5	5,0 [2,0; 8,0]
Уровень моей заработной платы (дохода)	4,1±3,8	4,0 [0,0; 8,0]
Уровень моей физической активности	5,6±3,5	6,0 [3,0; 9,0]
Состояние моей психики	4,7±3,0	5,0 [2,0; 7,0]
Качество моих отношений с близкими	3,6±3,1	3,0 [0,5; 6,0]
Качество моих социальных контактов	5,6±3,1	6,0 [3,0; 8,0]
Средняя оценка влияния ситуации	4,8±2,2	5,0 [3,2; 6,5]
Оценки страхов (альфа Кронбаха=0,87; альфа Гуттмана=0,92)		
Умереть	2,9±3,0	2,0 [0,0; 5,0]
Заболеть	4,0±3,1	4,0 [1,0; 6,0]
Заболели бы мои близкие, и я не смогу им помочь	7,0±3,0	8,0 [5,0; 10,0]
Мои близкие заболели бы и умерли	6,9±3,3	8,0 [5,0; 10,0]
Я останусь один (одна)	4,1±3,6	4,0 [1,0; 7,0]
Останусь без работы	3,7±3,3	3,0 [0,0; 6,0]
Останусь без средств к существованию	4,8±3,5	5,0 [2,0; 8,0]
Испортить отношения с партнером	2,6±3,2	1,0 [0,0; 5,0]
Будущего	4,2±3,2	5,0 [1,0; 7,0]
Средняя оценка страхов	4,5±2,3	4,0 [2,9; 6,2]
Оценки ситуации (альфа Кронбаха=0,88; альфа Гуттмана=0,90)		
Неопределенность ситуации в мире	6,9±2,1	7,0 [5,0; 8,0]
Тяжесть ситуации в настоящий момент	5,7±2,5	6,0 [4,0; 8,0]
Личная значимость ситуации	5,3±2,7	5,0 [3,0; 7,0]
Сила переживаемого стресса	4,6±2,9	5,0 [2,0; 7,0]
Сложность предугадать, что произойдет дальше	6,2±2,8	7,0 [4,0; 9,0]
Сложность контролировать ситуацию	5,7±3,1	6,0 [4,0; 8,0]
Безвыходность ситуации	4,2±2,6	4,0 [2,0; 6,0]
Потери, связанные с ситуацией	3,6±2,6	3,0 [2,0; 5,0]
Сложность выполнять рекомендации властей	3,8±3,2	3,0 [1,0; 6,0]
Средняя оценка тяжести и значимости ситуации	5,1±1,9	5,0 [3,4; 6,6]
Оценки возможностей (альфа Кронбаха=0,91; альфа Гуттмана=0,93)		
Физические	5,7±2,8	6,0 [4,0; 8,0]
Психические	6,5±2,7	7,0 [5,0; 9,0]
Интеллектуальные	6,8±2,6	7,0 [5,0; 9,0]
Моральные/Духовные	6,9±2,6	7,0 [5,0; 9,0]
Временные	6,3±2,7	7,0 [5,0; 8,0]

Творческие	6,0±3,1	6,0 [4,0; 9,0]
Материальные	5,2±2,9	5,0 [3,0; 7,5]
Социальные	5,8±2,7	6,0 [4,0; 8,0]
Средняя оценка имеющихся ресурсов	6,2±2,2	6,0 [5,0; 7,8]

Примечания. М — среднее арифметическое; s — стандартное отклонение; Me — медиана, Q1 — нижний квартиль; Q3 — верхний квартиль.

Так как число респондентов мужского пола было недостаточным для включения фактора «Пол» в расчеты дисперсионного анализа, эффект этого фактора был рассмотрен отдельно. Различия, по крайней мере, в один балл по 11-балльной шкале, достигшие уровня статистической значимости, обнаружены по трем показателям. Женщины выше мужчин оценили влияние ситуации на состояние психики (4,9 vs 3,8 баллов; $t(437)=3,37$; $p<0,001$), силу стресса (4,8 vs 3,6 баллов; $t(437)=3,74$; $p<0,001$) и сложность в контроле ситуации (5,9 vs 4,7 баллов; $t(437)=3,77$; $p<0,001$).

Для определения влияния разных стратегий государственного регулирования ситуации пандемии и возраста на оценки возможностей респондентов был применен трехфакторный дисперсионный анализ для смешанной схемы,

в котором в качестве межгрупповых факторов использовались стратегии государственного регулирования и возраст, а в качестве внутригрупповой переменной — возможности респондентов. Оценка возможностей по 11-балльной шкале являлась зависимой переменной. Статистический анализ показал, что оценки возможностей зависят только от возраста ($F(1,435)=9,9$; $p=0,0018$), но не зависят от стратегий государственного регулирования ($F(1,435)=0,6$; $p=0,4323$). Статистически значимых взаимодействий не обнаружено, то есть респонденты более старшего возраста выше оценили практически все свои возможности (табл. 2), кроме социальных.

Для определения влияния разных стратегий государственного регулирования ситуации пандемии и возраста на оценки страхов был применен трех-

Таблица 2

Оценки респондентами своих возможностей в зависимости от возраста (ср.±ст. откл. и уровень статистической значимости по апостериорному критерию Дункана)

Возможности	Возраст респондентов		p, уровень стат. знач.
	До 30 лет (N=204)	Старше 30 лет (N=235)	
Физические	5,2±2,8	6,0±2,8	0,007
Психические	6,2±2,9	6,9±2,6	0,015
Интеллектуальные	6,4±2,6	7,2±2,4	0,002
Моральные/Духовные	6,4±2,8	7,3±2,4	0,000
Временные	6,0±2,8	6,6±2,6	0,046
Творческие	5,7±3,1	6,3±3,0	0,038
Материальные	4,9±2,9	5,5±2,9	0,021
Социальные	5,7±2,7	6,0±2,6	0,368

факторный дисперсионный анализ для смешанной схемы, в котором в качестве межгрупповых факторов использовались стратегии государственного регулирования и возраст, а в качестве внутригрупповой переменной — разные страхи. Оценка страхов по 11-балльной шкале являлась зависимой переменной. Анализ оценок страхов показал, что при отсутствии взаимодействия второго порядка ($F(8,3480)=0,6$; $p=0,8185$) оба взаимодействия первого порядка статистически значимы: оценки страхов зависят от возраста ($F(8,3480)=6,3$; $p<0,0001$), и эта зависимость одинакова для обеих стран (рис. 1). Выраженность страхов также зависит от стратегий государственного регулирования ($F(8,3480)=5,0$; $p<0,0001$),

и эта зависимость одинакова для любого возраста (рис. 2). Респонденты старшего возраста выше оценили страхи заболеть, умереть, остаться без работы. Молодежь в большей степени озабочена проблемами близких и вероятностью испортить отношения с партнером. Практически все оценки страхов существенно выше при отсутствии дополнительных мер сдерживания пандемии (рис. 2).

Респондентам предлагалось написать и свой вариант ответа: страх, который не вошел в предлагаемый перечень. Ответ на этот вопрос дали 292 человека (66,5% от всей выборки). При описании своих страхов респонденты сосредотачивались в основном на негативных образах. Приведем некоторые примеры: 1) предме-

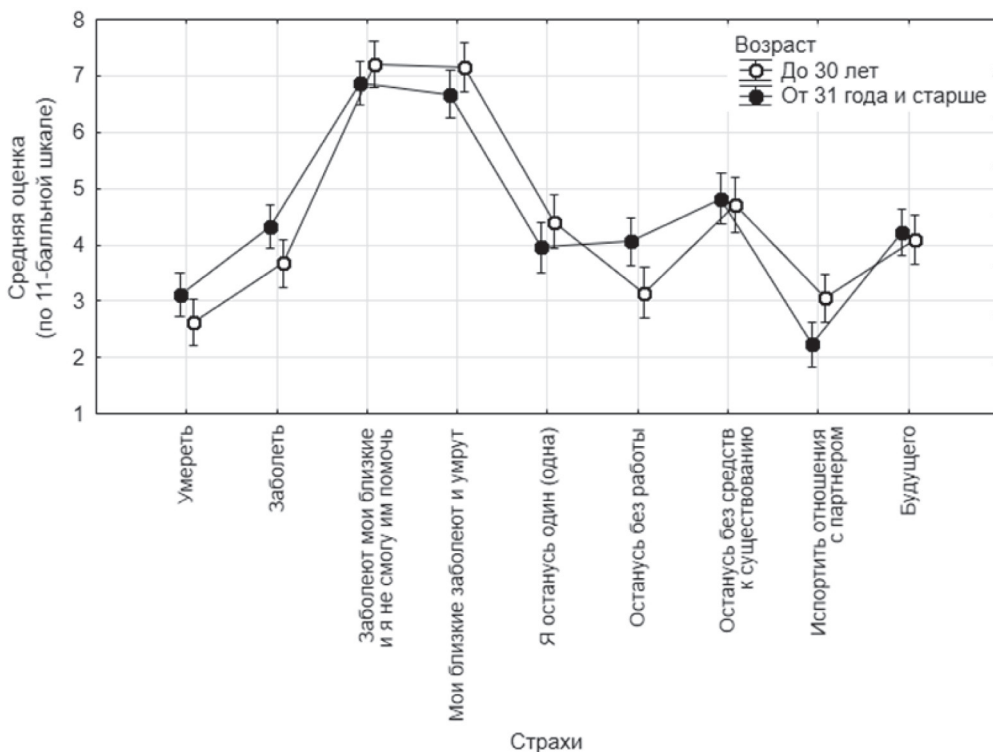

Рис. 1. Оценки страхов респондентами разного возраста

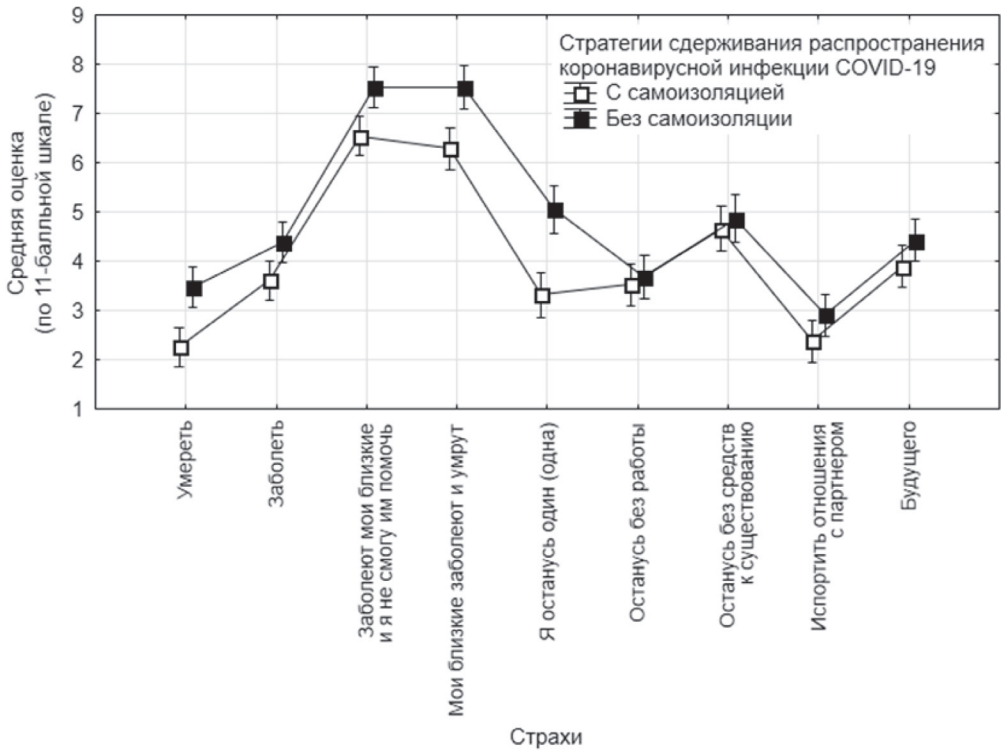

Рис. 2. Оценки страхов респондентами COVID-19 при разных стратегиях государственного регулирования

ты («склизкий, неприятный воздушный шар»; «черная маска на рот»; «кандалы»; «высокий бетонный забор»; «липкая смола») — 12,3% от всех ответивших; 2) природные явления («неосязаемый серый дым»; «серая большая хмурая туча»; «холодная одинокая темнота»; «волосатое фиолетовое облако») — 12,3% от всех ответивших; 3) человек («орущий от бессилия»; «одинокий, грустный»; «серый с косой на плече»; «неприятный пассажир за спиной») — 4,8% от всех ответивших; 4) абстракция («липкая серая субстанция»; «огромная черная засасывающая воронка»; «космическая туманность»; «вязкая жижа, шагающая за мной по пятам»; «темная масса, которая окутывает и

не дает дышать») — 32,9% от всех ответивших; 5) чувства («неприятность»; «ощущение под ложечкой»; «переживания и грусть») — 11,3% от всех ответивших; 6) животные («большое бородавчатое с грубой кожей (как у динозавров — с выступами и бороздами) из рода рептилий»; «страшилка из мультика»; «маленькое серое лохматое создание»; «серый и уставший мыш»; «клоп склизкий, холодный»; «слон, не смотрящий вниз, идущий по людям») и т.п. — 9,3% от всех ответивших. При этом 17,1% респондентов образ не указали. Выбор того или иного образа страха не зависел ни от страны проживания ($\chi^2=4,07$; $p=0,67$), ни от возраста респондентов ($\chi^2=6,49$; $p=0,37$).

Содержательный анализ страхов позволил систематизировать информацию в пять независимых категорий:

1) *глобальные*, связанные с возможностью кризиса в стране и мире, войной, «чипизацией», ограничением свобод и т.д. (7,2% от всех ответивших);

2) *индивидуальные*, отражающие эмоциональную нестабильность, срыв личных и семейных планов, финансовые потери и т.п. (11,6% от всех ответивших);

3) *социальные*, связанные с отношениями: «боюсь окружения, посторонних людей» (2,1% от всех ответивших);

4) *экзистенциальные*: «не понять что-то важное», «не обнаружить новые возможности», «не справиться с неопределенностью» (6,5% от всех ответивших);

5) тип страха было сложно отнести к той или иной категории (72,6% от всех ответивших).

Обнаружена тенденция к различиям в частоте обозначения того или иного типа страха при разных стратегиях сдер-

живания пандемии (табл. 3): глобальные и личные страхи доминируют при самоизоляции, а социальные — при отсутствии таковой. Для старшего поколения в большей степени, чем для молодежи, характерны глобальные и социальные страхи (табл. 3).

Для определения влияния разных стратегий государственного регулирования ситуации пандемии и возраста на оценки ситуации COVID-19 был применен трехфакторный дисперсионный анализ для смешанной схемы, в котором в качестве межгрупповых факторов использовались стратегии государственного регулирования и возраст, а в качестве внутригрупповой переменной — различные аспекты ситуации COVID-19 (неопределенность, тяжесть, стрессогенность, сложность и т.д.). Оценка разных аспектов ситуации COVID-19 по 11-балльной шкале являлась зависимой переменной. Статистический анализ оценок пандемии жителями двух стран показал, что

Таблица 3

Выраженность разных видов страха (число ответов и процентное соотношение) в зависимости от стратегии сдерживания коронавирусной инфекции ($\chi^2=9,19$ при $p=0,056$) и от возраста ($\chi^2=10,39$ при $p=0,034$)

Страхи	Стратегии государственного регулирования		Возраст	
	С самоизоляцией	Без самоизоляции	До 30 лет	От 31 года и старше
Глобальные	13	8	3	18
	61,90%	38,10%	14,29%	85,71%
Личные	23	11	12	22
	67,65%	32,35%	35,29%	64,71%
Социальные	1	5	1	5
	16,67%	83,33%	16,67%	83,33%
Экзистенциальные	11	8	8	11
	57,89%	42,11%	42,11%	57,89%
Не выражены	100	112	98	114
	47,17%	52,83%	46,23%	53,77%

при отсутствии взаимодействия второго порядка ($F(8,3480)=1,8; p=0,0743$) оба взаимодействия первого порядка статистически значимы: оценки характеристик ситуации зависят от возраста ($F(8,3480)=3,5; p=0,0005$), и эта зависимость одинакова для разных стратегий государственного регулирования (рис. 3). Оценки ситуации пандемии также зависят от стратегий ее сдерживания на государственном уровне ($F(8,3480)=2,6; p=0,0069$), и эта зависимость одинакова для любого возраста (рис. 4). Как видим, респонденты старшего возраста оценивают непредсказуемость, безвыходность, неподконтрольность ситуации значительно выше молодежи. При отсутствии строгих мер противодействия инфекции ситуация оценивается как более трудная,

значимая, безысходная и менее предсказуемая.

Для определения влияния разных стратегий государственного регулирования ситуации пандемии и возраста на оценки влияния ситуации COVID-19 на разные стороны жизни респондентов был применен трехфакторный дисперсионный анализ для смешанной схемы, в котором в качестве межгрупповых факторов использовались стратегии государственного регулирования и возраст, а в качестве внутрigrupповой переменной – различные стороны жизни респондентов (трудовая занятость, состояние психики, уровень зарплаты, отношения с близкими и т.д.). Оценка степени влияния ситуации COVID-19 на разные стороны жизни респондентов по

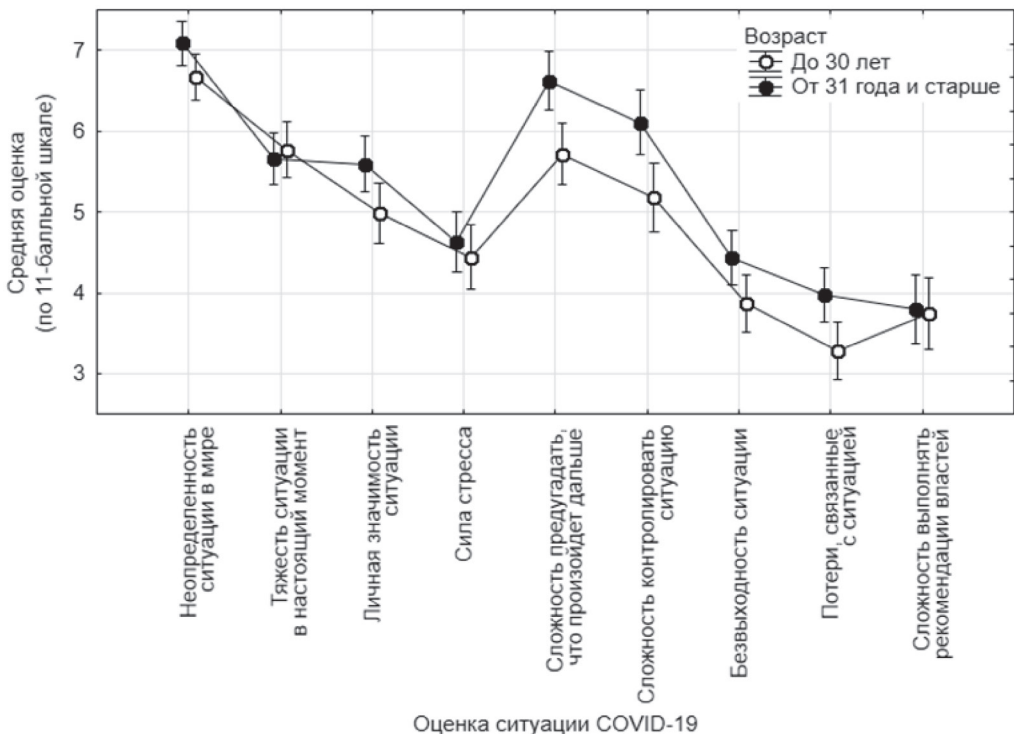

Рис. 3. Оценки ситуации COVID-19 респондентами разного возраста

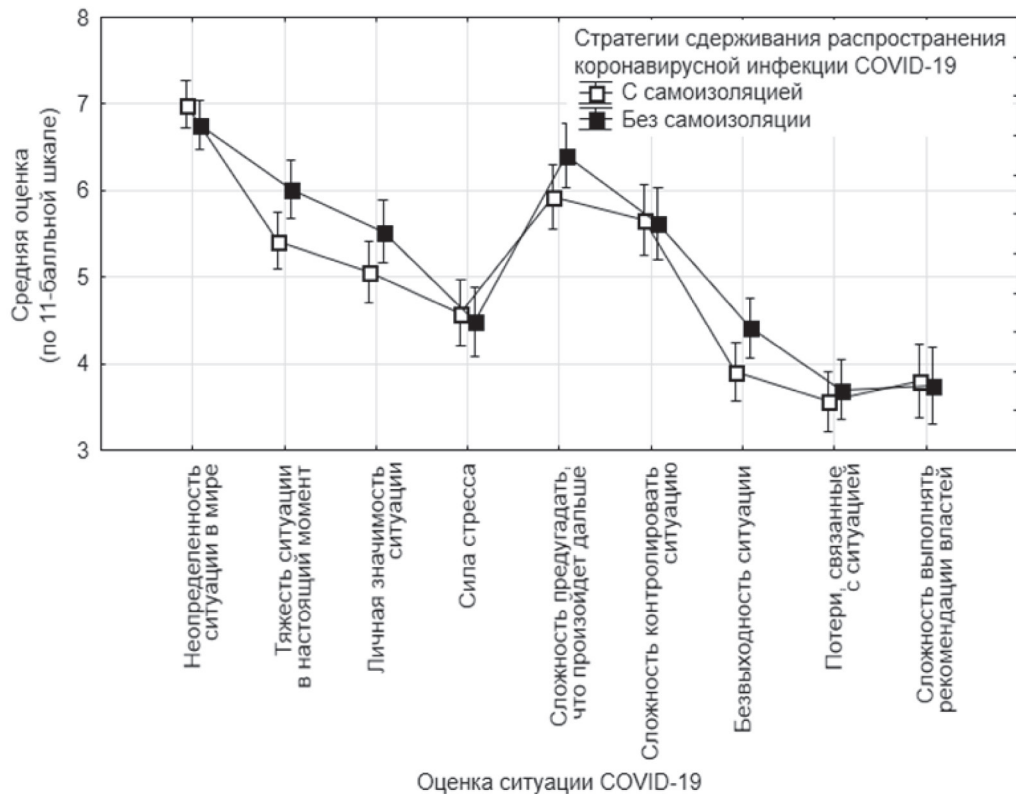

Рис. 4. Оценки ситуации COVID-19 при разных стратегиях государственного регулирования

11-балльной шкале являлась зависимой переменной. Анализ влияния пандемии на разные аспекты жизни респондентов говорит о том, что существует статистически значимое взаимодействие второго порядка: оценки влияния ситуации зависят от возраста по-разному при неодинаковых стратегиях государственного регулирования ($F(5,2175)=3,3$; $p=0,0057$). Результаты представлены на рис. 5. Введение режима самоизоляции повлияло, прежде всего, на уровень физической активности респондентов. Тем не менее влияние ограничительных мер на качество социальных контактов находится на среднем уровне и не отличается

от оценок молодых респондентов при отсутствии ограничений (рис. 5). О влиянии пандемии на качество социальных контактов сообщают респонденты старшего возраста, не находящиеся в самоизоляции. Наименьшее воздействие пандемия оказала на качество взаимоотношений с близкими. Респонденты старшего возраста выше оценили влияние пандемии на трудовую занятость при самоизоляции, а молодежь, наоборот, — без введения режима самоизоляции. Оценки воздействия пандемии на уровень заработной платы одинаковы и невысоки у респондентов обеих возрастных групп при отсутствии самоизо-

ляции, в то время как молодежь гораздо выше старших оценивает влияние ситуации на уровень доходов при введении ограничений. Оценки воздействия ситуации на состояние психики выше при самоизоляции.

Корреляционный анализ между оценками возможностей и оценками ситуации отдельно для двух выборок (в самоизоляции и при отсутствии ограничительных мер) показал, что статистически значимые корреляционные связи оказались слабыми и умеренными: от 0,13 до 0,29 по абсолютной величине (табл. 4). При самоизоляции все возможности имеют значение для оценок ситуации и выраженности страхов

(обнаружены статистически значимые связи с оценками ситуации и страхами) (табл. 4). При этом связи отрицательные, следовательно, чем выше оцениваются возможности, тем ниже оценки: страхов, степени влияния пандемии на разные аспекты жизни, значимости, неопределенности и безысходности ситуации, что вполне закономерно. Особую важность приобретают психические, творческие, социальные и материальные возможности (множество статистически значимых связей).

При отсутствии дополнительных мер по регулированию ситуации пандемии на государственном уровне практически не получено статистически значимых

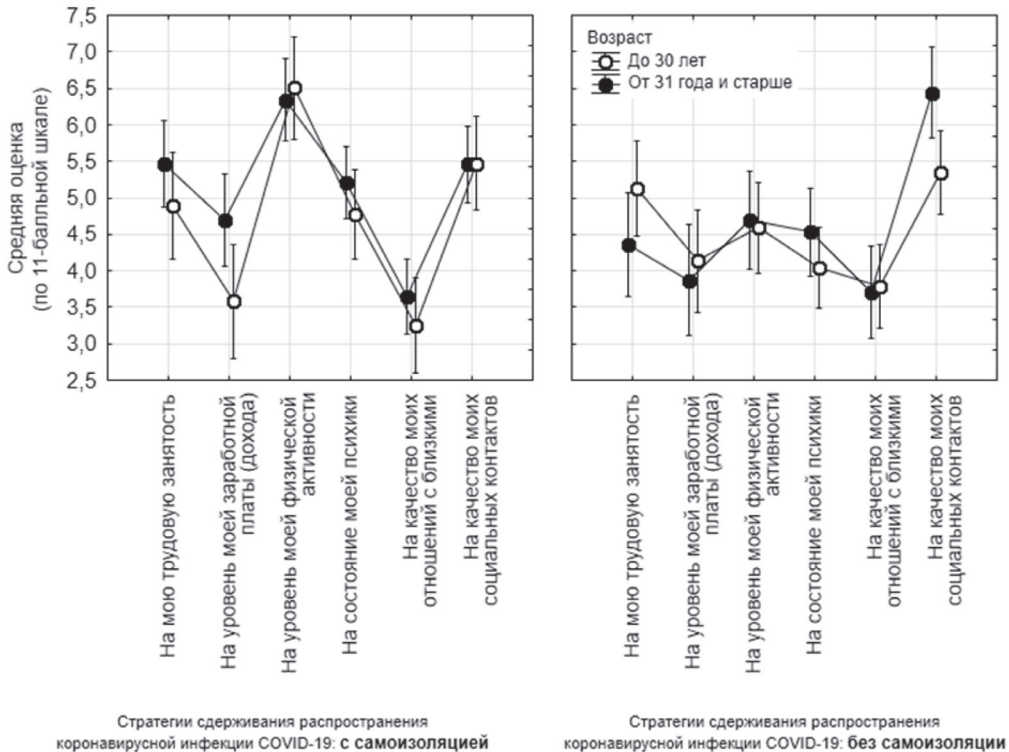

Рис. 5. Средние оценки влияния пандемии на сферы жизни при разных стратегиях государственного регулирования

Взаимосвязи оценок возможностей и оценок ситуации, страхов, влияния пандемии на разные сферы жизни (коэффициенты корреляции Пирсона для стран с разными стратегиями государственного регулирования: с самоизоляцией/без самоизоляции)

Возможности	Средняя оценка влияния ситуации	Средняя оценка страха	Средняя оценка тяжести и значимости ситуации
Физические	-0,09/0,13	-0,16 /0,03	-0,08/0,09
Психические	-0,21 /-0,02	-0,26 /-0,11	-0,29 /-0,12
Интеллектуальные	-0,11/ 0,15	-0,20 /-0,02	-0,17 /0,02
Моральные/Духовные	-0,13 /-0,02	-0,20 /-0,11	-0,18 /-0,11
Временные	-0,12/0,02	-0,16 /-0,07	-0,18 /-0,04
Творческие	-0,11/0,09	-0,26 /-0,02	-0,23 /0,01
Материальные	-0,16 /-0,08	-0,18 /-0,06	-0,17 /-0,05
Социальные	-0,18 /-0,02	-0,18 /-0,04	-0,23 /0,02
Средняя оценка имеющихся возможностей	-0,17 /0,04	-0,25 /-0,06	-0,24 /-0,03

Примечание. Жирным шрифтом выделены статистически значимые связи.

связей. Неважными оказались все возможности, кроме интеллектуальных. При этом обнаружена положительная связь: чем выше люди оценили свои интеллектуальные возможности, тем более негативно они оценили ситуацию.

Обсуждение результатов

Выборки двух стран не различаются в оценках своих возможностей (физических, психических, временных, творческих, материальных, социальных), поэтому полученные различия в оценивании страхов, сложности ситуации пандемии и ее влияния на некоторые сферы жизни респондентов могут объясняться разными стратегиями государственного регулирования COVID-19.

Сама ситуация неопределенности, с которой впервые столкнулись жители России и Беларуси и которую достаточно сложно интерпретировать, вы-

звала крайне негативные и расплывчатые образы страхов. Неопределенность ситуации порождает неопределенность образов. В результате такой неопределенности люди вынуждены отказаться от старых привычных взглядов на себя и этот мир, стараются более четко обозначить происходящее, найти смысл [22], что отразилось в высказываниях по поводу обратной стороны страха, о чем писали сами респонденты, отвечая на вопрос «Для чего нужен этот страх?»: «остановиться и поразмышлять», «обратиться к себе», «задуматься над своей жизнью», «изменить отношение к себе и своим близким» и т.п.

Практически все страхи существенно выше у жителей Беларуси, что может служить подтверждением значимости и важности заботы о своих гражданах со стороны государства в периоды кризисов. Страх белорусов «остаться одному» свидетельствует о недостаточно продуманной стратегии государственного

регулирующая, заключающейся в отрицании пандемии, что лишает граждан чувства безопасности: люди ощущают себя одинокими при столкновении с масштабным бедствием. Так, в исследовании К. Сибли и коллег показано, что чувство общности людей, находящихся в самоизоляции, возрастает с возрастанием доверия к правительству и удовлетворенности на национальном уровне [20]. Несмотря на введенные ограничения, пандемия становится объединяющим событием для россиян, а забота на государственном уровне вселяет дополнительную уверенность, снижает страхи даже в условиях других пандемических факторов, что подтверждается исследованиями зарубежных коллег [15; 16]. Вместе с тем наше исследование показало, что в условиях самоизоляции люди чаще высказывались о страхах, связанных с последствиями пандемии: страхи ограничения свобод, возможного кризиса в стране и мире, финансовых потерь и т.п.

Жители Беларуси оценили ситуацию пандемии как более трудную, значимую, безысходную и менее предсказуемую, что согласуется с исследованием, где показано, что в среднем люди выше воспринимают риск и истолковывают ситуацию как более угрожающую при неудачном управлении рисками [12].

Отрицательные связи между оценками своих возможностей и оценками негативных аспектов ситуации пандемии, полученные для жителей России, говорят о следующем. В условиях самоизоляции с повышением возможностей снижаются оценки страхов, степень влияния пандемии на разные сферы жизни, ниже оцениваются значимость, неопределенность и безвыходность ситуации, причем особую значимость приобретают психические, творческие и социальные ресурсы. Таким образом, отрицательные свя-

зи, хотя и оказавшиеся слабыми, вполне предсказуемы. Отсутствие таких связей в выборке респондентов из Беларуси, а также одна положительная связь могут объясняться стимулирующей ролью ситуации пандемии в активизации ресурсов. Например, установлено, что чем сильнее оценивается угроза от пандемии, тем выше способности ей противостоять [4], а страх играет мобилизующую роль, активизирует способности, навыки самоблагодания [2].

Наше исследование показало, что женщины обеих стран выше мужчин оценили влияние ситуации на состояние психики, силу переживаемого ими стресса и сложность в контроле над ситуацией, что согласуется с данными, полученными в Испании [18], Израиле [19], Венгрии [21], и объясняется более эмоциональным и ответственным отношением женщин к опасностям, в отличие от мужчин. Например, в исследованиях других стран также принимало участие больше женщин (75,1% в Испании, 61% в Израиле, 86,9% в Венгрии), что свидетельствует об их большей вовлеченности, заинтересованности, обеспокоенности происходящим и в итоге сказывается на оценках.

Респонденты старшего возраста как в России, так и в Беларуси выше оценили страхи: заболеть и умереть, остаться без работы, что объясняется большей вероятностью наступления данных событий для них не только в период пандемии. Они же более негативно оценили и саму ситуацию пандемии, что согласуется с исследованием отечественных специалистов [8], но несколько противоречит исследованию А. Сабо и коллег [21], в котором обнаружено, что COVID-19 вызывает наибольший стресс у молодых людей до 30 лет. Исследователи объясняют это принятием молодыми людьми вве-

денных ограничений, препятствующих их полноценной социальной и личной жизни. Влияние на физическую активность и состояние психики, оцененное выше обеими возрастными группами в самоизоляции, является закономерным последствием ограничительных мер. Считается, что даже короткие периоды отсутствия физической активности наносят ущерб физическому здоровью и эмоциональному благополучию [10]. Это может быть компенсировано специально разработанными программами [10] и обращением людей к смысловому полю [16]. Так, обнаружено, что социальная изоляция способствует высокому уровню осмысленности жизни на фоне сниженного беспокойства перед пандемией [16]. Осмысление объединяющих народ жизненных стрессовых событий, участие в мерах по снижению передачи инфекции, рекомендованных властями, может помочь людям почувствовать солидарность и согласие.

Результаты нашего исследования показывают, что независимо от возраста и условий сдерживания пандемии довольно низко оценивалась сложность выполнить рекомендации властей, что говорит о сравнительно быстрой адаптации россиян к условиям самоизоляции. Это подтверждается исследованием отечественных ученых, в котором показано, что самоизоляция не повлияла на удовлетворенность жизнью россиян [5].

Выводы

Результаты сравнительного анализа оценок ситуации пандемии COVID-19 жителями России и Беларуси позволяют сделать следующие выводы.

1. Россияне и белорусы достаточно высоко оценили свои возможности для

преодоления ситуации пандемии вне зависимости от разных стратегий государственного регулирования.

2. Респонденты старшего возраста обеих стран, в отличие от молодежи, оценили ситуацию пандемии более негативно при одновременно более высоком оценивании своих возможностей.

3. Женщины проявили высокую заинтересованность в исследовании и, в отличие от мужчин, выше оценили стрессогенность, неконтролируемость ситуации, влияние на состояние их психики.

4. Разные меры государственного регулирования COVID-19 по-разному сказываются на психологическом состоянии населения: самоизоляция снижает интенсивность страхов, способствует более позитивной оценке ситуации, но усиливает влияние на физическую активность и состояние психики. При отсутствии дополнительных мер противодействия инфекции негативные оценки ситуации пандемии повышаются, выше уровень страхов, а страх остаться одному обусловлен утратой чувства безопасности в результате недостаточной заботы государства о своих гражданах.

5. В условиях самоизоляции с повышением возможностей и ресурсов человека снижаются оценки: 1) страхов; 2) сложности самой ситуации пандемии; 3) степени ее влияния на разные аспекты жизни, что не свойственно людям при недостаточности ограничительных мер.

Заключение

Традиционное доминирование в сравнительных исследованиях персонцентрического подхода оставляет за скобками влияние среды или социокультурного контекста, в которых функционируют

социальные общности. Ситуация пандемии показала ошибочность такого рода недооценки и перспективность рассмотрения психологической феноменологии в контексте личностно-средово-активной интердетерминации, позволяющей включить в ракурс рассмотрения следующее: стратегии государственного регулирования ситуации пандемии, субъективное заключение людей о самой ситуации, о страхах, которые она порождает, степени ее влияния на разные сферы жизни и о необходимых ресурсах для ее преодоления.

Несмотря на некоторые ограничения (небольшой объем в выборках

мужчин, отсутствие данных о бытовых и семейных обстоятельствах), нами представлена общая картина оценивания ситуации пандемии населением стран с разными стратегиями государственного регулирования COVID-19 (России и Беларуси). Это может стать ориентиром для разработки программ психологической помощи на государственном уровне, так как государственные органы несут особую ответственность не только за контроль жизни населения, но и за поддержание своей способности адекватно реагировать на кризисные ситуации для сохранения жизни и здоровья граждан.

Литература

1. *Битюцкая Е.В.* Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиции деятельностного подхода А.Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. № 2. С. 40–56.
2. *Гриценко В.В., Резник А.Д., Константинов В.В., Маринова Т.Ю., Израйловиц Р.* Страх перед коронавирусным заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 99–118. DOI:10.17759/cpse.2020090205
3. *Касьянов В.В., Гафиагулина Н.Х., Самыгин С.И.* Особенности и проблемы социального поведения в условиях самоизоляции российского населения // Гуманитарий юга России. 2020. Том 9(42). № 2. С. 51–63. DOI:10.18522/2227-8656.2020.2.3
4. *Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б., Коноховская Ю.Е., Дорохов Е.А.* Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 119–146. DOI:10.17759/cpse.2020090206
5. *Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А.* Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 2. С. 90–108. DOI:10.17759/cpp.2020280205
6. *Сорокин М.Ю., Касьянов Е.Д., Рукавишников Г.В., Макаревич О.В., Незнанов Н.Г., Лутова Н.Б., Мазо Г.Э.* Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19 // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. 2020. № 2. С. 87–94. DOI:10.31363/2313-7053-2020-2-87-94
7. *Толстых Н.Н.* Социальная психология развития: интеграция идей Л.С. Выготского и А.В. Петровского // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 1. С. 25–34. DOI:10.17759/chp.2020160103
8. *Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И.* Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 2. С. 70–89. DOI:10.17759/cpp.2020280204
9. *Al-Mahadin S.* Laughing it off: Coronavirus superspreaders, anxiety, and fear in Jordan and Australia // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2020. Vol. 12. № 5. P. 45–46. DOI:10.1037/tra0000630

10. *Amatriain-Fernández S., Murillo-Rodríguez E.S., Gronwald T., Machado S., Budde H.* Benefits of physical activity and physical exercise in the time of pandemic // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2020. Vol. 12. № 5. P. 264–266. DOI:10.1037/tra0000643
11. *Breznau N.* The Welfare State and Risk Perceptions: the Novel Coronavirus Pandemic and Public Concern in 70 Countries // *European Societies*. 2020. DOI:10.1080/14616696.2020.1793215
12. *Dryhurst S., Schneider C.R., Kerr J., Freeman A.L.J., Recchia G., van der Bles A.M., Spiegelhalter D., van der Linden S.* Risk perceptions of COVID-19 around the world // *Journal of Risk Research*. 2020. DOI:10.1080/13669877.2020.1758193
13. *Fitzpatrick K.M., Harris C., Drawwe G.* Fear of COVID-19 and the mental health consequences in America // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2020. Vol. 12. № 5. P. 17–21. DOI:10.1037/tra0000924
14. *Kaiser R.B.* Leading in an unprecedented global crisis: The heightened importance of versatility // *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. 2020. Vol. 72. № 3. P. 135–154. DOI:10.1037/cpb0000186
15. *Milman E., Lee S.A., Neimeyer R.A.* Social isolation and the mitigation of coronavirus anxiety: The mediating role of meaning // *Death Studies*. 2020. DOI:10.1080/07481187.2020.1775362
16. *Milman E., Lee S.A., Neimeyer R.A.* Social isolation as a means of reducing dysfunctional coronavirus anxiety and increasing psychoneuroimmunity // *Brain, Behavior, and Immunity*. 2020. Vol. 87. P. 138–139. DOI:10.1016/j.bbi.2020.05.007
17. *Reshetnikov V., Mitrokhin O., Shepetovskaya N., Belova E., Jakovljevic M.* Organizational measures aiming to combat COVID-19 in the Russian Federation: the first experience // *Expert Review of Pharmacoeconomics & Outcomes Research*. 2020. DOI:10.1080/14737167.2020.1823221
18. *Rodriguez-Rey R., Garrido-Hernansaiz H., Collado S.* Psychological impact of COVID-19 in Spain: Early data report // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2020. Vol. 12. № 5. P. 550–552. DOI:10.1037/tra0000943
19. *Shapiro E., Levine L., Kay A.* Mental health stressors in Israel during the coronavirus pandemic // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2020. Vol. 12. № 5. P. 499–501. DOI:10.1037/tra0000864
20. *Sibley C.G., Greaves L.M., Satherley N., Wilson M.S., Overall N.C., Lee C.H., Barlow F.K.* Effects of the COVID-19 pandemic and nationwide lockdown on trust, attitudes toward government, and well-being // *American Psychologist*. 2020. Vol. 75. № 5. P. 618–630. DOI:10.1037/amp0000662
21. *Szabo A., Ábel K., Boros S.* Attitudes toward COVID-19 and stress levels in Hungary: Effects of age, perceived health status, and gender // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2020. Vol. 12. № 6. P. 572–575. DOI:10.1037/tra0000665
22. *Winter D.A., Reed N.* Unprecedented Times for Many but not for All: Personal Construct Perspectives on the COVID-19 Pandemic // *Journal of Constructivist Psychology*. 2020. DOI:10.1080/10720537.2020.1791291
23. *Wu L., Guo X., Shang Z., Sun Z., Jia Y., Sun L., Liu W.* China experience from COVID-19: Mental health in mandatory quarantine zones urgently requires intervention // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2020. Vol. 12. № 5. P. 3–5. DOI:10.1037/tra0000609
24. *Yanchuk V.A.* The Theoretical and Empirical Foundations of the Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Metatheory of the Integration of Psychological Knowledge // *Journal of Russian & East European Psychology*. 2018. Vol. 55(2–3). P. 241–286. DOI:10.1080/10610405.2018.1529531

References

1. Bityutskaya E.V. Kognitivnoe otsenivanie trudnoi zhiznennoi situatsii s pozitsii deyatel'nostnogo podkhoda A.N. Leont'eva [Cognitive appraisal of the difficult life situation in

- A.N. Leontiev's activity approach]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*, 2013, no. 2, pp. 40–56. (In Russ.).
2. Gritsenko V.V., Reznik A.D., Konstantinov V.V., Marinova T.Yu., Izrailovits R. Strakh pered koronavirusnym zabolevaniem (COVID-19) i bazisnye ubezhdeniya lichnosti [Fear of Coronavirus Disease (COVID-19) and Basic Personality Beliefs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2020. Vol. 9, no. 2, pp. 99–118. DOI:10.17759/cpe.2020090205 (In Russ.).
 3. Kas'yanov V.V., Gafiatulina N.Kh., Samygin S.I. Osobennosti i problemy sotsial'nogo povedeniya v usloviyakh samoizolyatsii rossiiskogo naseleniya [Features and problems of social behavior in the Conditions of self isolation regime of the Russian population]. *Gumanitarii yuga Rossii = Humanities of the south of Russia*, 2020. Vol. 9(42), no. 2, pp. 51–63. DOI:10.18522/2227-8656.2020.2.3 (In Russ.).
 4. Pervichko E.I., Mitina O.V., Stepanova O.B., Konyukhovskaya Yu.E., Dorokhov E.A. Vospriyatie COVID-19 naseleniem Rossii v usloviyakh pandemii 2020 goda [Perception of COVID-19 During the 2020 Pandemic in Russia]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2020. Vol. 9. no. 2, pp. 119–146. DOI:10.17759/cpe.2020090206 (In Russ.).
 5. Rasskazova E.I., Leont'ev D.A., Lebedeva A.A. Pandemiya kak vyzov sub'ektivnomu blagopoluchiyu: trevoga i sovladanie [Pandemic as a Challenge to Subjective Well-Being: Anxiety and Coping]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 2, pp. 90–108. DOI:10.17759/cpp.2020280205 (In Russ.).
 6. Sorokin M.Yu., Kas'yanov E.D., Rukavishnikov G.V., Makarevich O.V., Neznanov N.G., Lutova N.B., Mazo G.E. Psikhologicheskie reaktzii naseleniya kak faktor adaptatsii k pandemii COVID-19 [Psychological reactions of the population as a factor of adaptation to the COVID-19 pandemic]. *Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoj psikhologii = V.M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology*, 2020, no. 2, pp. 87–94. DOI:10.31363/2313-7053-2020-2-87-94 (In Russ.).
 7. Tolstykh N.N. Sotsial'naya psikhologiya razvitiya: integratsiya idei L.S. Vygotskogo i A.V. Petrovskogo [Social Psychology of Development: Integrating the Ideas of L.S. Vygotsky and A.V. Petrovsky]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 1, pp. 25–34. DOI:10.17759/chp.2020160103 (In Russ.).
 8. Tkhostov A.Sh., Rasskazova E.I. Psikhologicheskoe sodержanie trevogi i profilaktiki v situatsii infodemii: zashchita ot koronavirusa ili «porochnyi krug» trevogi? [Psychological contents of anxiety and the prevention in an infodemic situation: protection against coronavirus or the “vicious circle” of anxiety?]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 2, pp. 70–89. DOI:10.17759/cpp.2020280204 (In Russ.).
 9. Al-Mahadin S. Laughing it off: Coronavirus superspreaders, anxiety, and fear in Jordan and Australia. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12, no. 5, pp. 45–46. DOI:10.1037/tra0000630
 10. Amatriain-Fernández S., Murillo-Rodríguez E.S., Gronwald T., Machado S., Budde H. Benefits of physical activity and physical exercise in the time of pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12. no. 5, pp. 264–266. DOI:10.1037/tra0000643
 11. Breznau N. The Welfare State and Risk Perceptions: the Novel Coronavirus Pandemic and Public Concern in 70 Countries. *European Societies*, 2020. DOI:10.1080/14616696.2020.1793215
 12. Dryhurst S., Schneider C.R., Kerr J., Freeman A.L.J., Recchia G., van der Bles A.M., Spiegelhalter D., van der Linden S. Risk perceptions of COVID-19 around the world. *Journal of Risk Research*, 2020. DOI:10.1080/13669877.2020.1758193
 13. Fitzpatrick K.M., Harris C., Drawve G. Fear of COVID-19 and the mental health consequences in America. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12, no. 5, pp. 17–21. DOI:10.1037/tra0000924

14. Kaiser R.B. Leading in an unprecedented global crisis: The heightened importance of versatility. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 2020. Vol. 72, no. 3. pp.135–154. DOI:10.1037/cpb0000186
15. Milman E., Lee S.A., Neimeyer R.A. Social isolation and the mitigation of coronavirus anxiety: The mediating role of meaning. *Death Studies*, 2020. DOI:10.1080/07481187.2020.1775362
16. Milman E., Lee S.A., Neimeyer R.A. Social isolation as a means of reducing dysfunctional coronavirus anxiety and increasing psychoneuroimmunity. *Brain, Behavior, and Immunity*, 2020. Vol. 87, pp. 138–139. DOI:10.1016/j.bbi.2020.05.007
17. Reshetnikov V., Mitrokhin O., Shepetovskaya N., Belova E., Jakovljevic M. Organizational measures aiming to combat COVID-19 in the Russian Federation: the first experience. *Expert Review of Pharmacoeconomics & Outcomes Research*, 2020. DOI:10.1080/14737167.2020.1823221
18. Rodríguez-Rey R., Garrido-Hernansaiz H., Collado S. Psychological impact of COVID-19 in Spain: Early data report. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12. no. 5, pp. 550–552. DOI:10.1037/tra0000943
19. Shapiro E., Levine L., Kay A. Mental health stressors in Israel during the coronavirus pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12, no. 5, pp. 499–501. DOI:10.1037/tra0000864
20. Sibley C.G., Greaves L.M., Satherley N., Wilson M.S., Overall N.C., Lee C.H., Barlow F.K. Effects of the COVID-19 pandemic and nationwide lockdown on trust, attitudes toward government, and well-being. *American Psychologist*, 2020. Vol. 75, no. 5, pp. 618–630. DOI:10.1037/amp0000662
21. Szabo A., Ábel K., Boros S. Attitudes toward COVID-19 and stress levels in Hungary: Effects of age, perceived health status, and gender. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12. no. 6, pp. 572–575. DOI:10.1037/tra0000665
22. Winter D.A., Reed N. Unprecedented Times for Many but not for All: Personal Construct Perspectives on the COVID-19 Pandemic. *Journal of Constructivist Psychology*, 2020. DOI:10.1080/10720537.2020.1791291
23. Wu L., Guo X., Shang Z., Sun Z., Jia Y., Sun L., Liu W. China experience from COVID-19: Mental health in mandatory quarantine zones urgently requires intervention. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12. no. 5, pp. 3–5. DOI:10.1037/tra0000609
24. Yanchuk V.A. The Theoretical and Empirical Foundations of the Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Metatheory of the Integration of Psychological Knowledge. *Journal of Russian & East European Psychology*, 2018. Vol. 55(2–3), pp. 241–286. DOI:10.1080/10610405.2018.1529531

Информация об авторах

Одинцова Мария Антоновна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии и педагогики дистанционного обучения, факультет дистанционного обучения, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Радчикова Наталия Павловна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-практического центра по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ); доцент кафедры возрастной психологии факультета дошкольной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Янчук Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и организационной психологии, УО «Белорусский государственный университет» (УО БГУ), г. Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4524-8371>, e-mail: yanchuk@academy.edu.by

Information about the authors

Maria A. Odintsova, PhD in Psychology, Head of the Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distant Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Nataly P. Radchikova, PhD in Psychology, Leading Researcher of Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research «PsyDATA», Moscow State University of Psychology & Education; Associate Professor of the Department of Developmental Psychology, Faculty of Pre-School Pedagogy and Psychology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Vladimir A. Yanchuk, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Social and Organisational Psychology, Belarusian State University, Minsk, Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4524-8371>, e-mail: yanchuk@academy.edu.by

Получена 01.10.2020

Received 01.10.2020

Принята в печать 08.04.2021

Accepted 08.04.2021